

Прежде чем предложить вниманию читателей потрясающий документ минувшей эпохи, ее самых обжигающих страниц, а именно короткий дневник летчика, сбитого в небе под Вязьмой, хочу сообщить следующее.

17 августа 1941 года газета «Комсомольская правда» напечатала стихи начинающего тогда поэта Михаила Матусовского: «То «свечой» в небеса, то над самой травой, То готовя внезапный удар лобовой, То дорожку огня, прочертив за собой, Истребитель Боровченко вышел на бой...»

Истребитель Боровченко – родной дядя моей мамы, то есть мой двоюродный дед.

О Григории Трофимовиче Боровченко сохранилась пожелтевшая газетная статья с фотографией, написанная его племянником (и моим дядей) Исаченко Виктором Павловичем, смоленским журналистом. Из нее и можно узнать, что к началу войны капитан Боровченко имел десятилетний стаж военного летчика. (Вообще-то изначально он был Боровченковым, но в молодости работал на Донбассе, там его и записали Боровченко, а его племянник, гордившийся успехами дяди, тоже захотел походить на него, от своей фамилии Исаченков убрал окончание и стал Исаченко). Первый бой принял над Вязьмой. В конце июля сражался в небе над речкой Вопь. Цель – девять фашистских бомбардировщиков. Возглавлял эскадрилью. Сбил два бомбардировщика, еще четыре бомбардировщика загорелись от огня других летчиков. Всего шесть бомбардировщиков грохнулись на смоленскую землю, остальным удалось уйти. Че-

рез некоторое время он отражал налет на вяземский железнодорожный узел, сбил мессершмитт, но и сам был ранен в ногу и руку... И здесь начинается дневник капитана Боровченко, который я получил от его дочери Маргариты Григорьевны при содействии моего троюродного брата Владимира Калентеенкова. Орфография и пунктуация подлинника сохранены.

ИЗ ДНЕВНИКА БОРОВЧЕНКО Г. Т.

(Написано простым карандашом. –

Прим. Маргариты Григорьевны)

28.5.42 г.

Прошло два месяца ровно с тех пор, как я писал в этот дневник, да и сейчас пишу левой рукой. Это и явилось причиной перерыва записей.

Странно, как все это произошло. Вылетая на прикрытие войск в район ..... я не думал конечно, что мне не придется вернуться на свой аэродром!

Пробыв над полем боя около 30 мин., я дал команду на уход домой. Облачность была Н – 300 метров, временами доходя до Н – 100 м

Когда полк лег на курс и несколько опередил меня, я заметил, что из облаков выскочили 4 МЕ 104. из них МЕ 109¹ 30 (Цифры не разборчивы, может, напутала. – Прим. М.Г.)

Стремясь прикрыть своих, я развернулся для атаки и после 2 атак, загорелся 1 МЕ 109 30 и пошел со снижением на территорию занятую противником. Я приготовился атаковать МЕ 109, но в это время появил-

¹ Так обозначались в СССР самолеты «мессершмитт» (прим. О. Ермакова)

ся наш ЯК, который стал заходить ко мне в хвост. С – ты противника ушли в облака. Но когда я почувствовал, что моя рука бросает штурвал и не жмет гашетки, я увидел уходящим на нашу сторону ЯК на полном газу.

Мне пришлось пилотировать с-т левой рукой.

Глаза мне заливала кровь, она шла так же ртом. Когда я снял перчатку с руки, протер глаза, рука была вся в крови. Перчатку одел с большим трудом.

Сначала я хотел догнать своих, добавил газ мотору. Мотор сильно барахлил. Догнать своих мне не удалось. Я чувствовал, что меня бросают силы в противном случае сесть —перед? собой.

Процесса планирования и приземления я не помню, даже и теперь.

Когда пришел в себя, то я в кабине был закрыт фонарем. Слышал шла стрельба в стороне от меня. Артеллерийсская стрельба велась неровно. Она то утихала, и только изредка слышны были разрывы.

То они становились частыми, Я слышал полеты снарядов, которые со свистом пролетали надо мной. Стрельба шла с обеих сторон.

Определиться точно, где я и что со мной вначале не мог . При попытке наклониться к приборной доске мне не позволили ремни.

Рука правая мне не подчинялась, при поворотах я чувствовал боль в груди. С большим трудом я вылез из кабины, даже вернее выпал. Подняться сразу не мог, чувствовал, что оставаться у самолета опасно.

Когда, пришел в себя, вынул из кабуры маузер, теперь вся надежда на него. Пытаюсь достать бортпаек, но это оказывается не по моим силам.

Ночь подходит, но я еще не знал где я и куда идти. За мной где бы я не сел остаются кровавые пятна.

Самолет мой сидел на двух поломанных соснах и позади было видно несколько пригнутых деревьев. Вокруг меня куда ни

гляну стоит крупный лес. Самолет внешне кажется целым но поломан винт.

Как тяжело расставаться с крылатым другом и особенно когда не знаешь точно где? Раздумья окончены я должен его уничтожить сам.

Подрываю спец станцию, взрыва нет. Вынимаю маузер, стреляю в бензобаки пожара нет, я делаю около пяти выстрелов, но самолет не горит. Достая спички, создаю очаг и сам пытаюсь уходить от горящего самолета. Идти совершенно не могу, в этом я убедился сделав несколько шагов в сторону от самолета. У меня нет сил держаться на ногах я падаю в снег. Глубокий весенний снег принимает меня в свои объятия как в перину.

Вот она небольшая звериная тропка попала мне под руки и теперь я ползу по ней не зная куда она меня приведет. Ночь наступила темная холодная. Меня бьет лихорадка и слышу, как ходит моя верхняя челюсть. Преодолевая боль и лихорадку, я продолжаю ползти.

Когда я пришел в себя, то я не видел уже звериной тропы. Я лежал на снегу, окруженный со всех сторон лесом. Сверху падал снег, верхушки деревьев жалобно шумели, и мне казалось, что они поют мне похоронную песню. Когда я понял, что мне нужно ползти, то я видел, на месте моей снежной постели были большие следы крови. Пока я думал куда мне ползти, я услышал незнакомую мне речь и то здесь, то там было слышна стрельба автоматов. Соседи мне показались неприятными и я желающий, что бы меня подобрала люди и оказали помощь.

Особенно с большой любовью посмотрел на свой маузер.

Теперь он должен или бить без промаха или прекратить мою жизнь.

Метров 200 от меня я вижу бурелом и частые заросли ельника. Я должен как можно быстрее доползти туда и там замаскировавши определить где я? и правильно ли я ползу.

Я напрягаю все силы, что бы быстрее как можно достигнуть этого спасительного бу-релома. Приблизительно через минут 3.0 я у цели. Вот я уже подбираюсь под коре-нья вывернутой ели. Еще одно движение и меня не будет видно. Я сливаюсь под фон горелого леса. Здесь я могу считать себя в безопасности.

Когда с большим трудом залез на ствол одной из много сваленных здесь елей, в это время нехотя и в тоже время как бы пригла-шая меня на отдых, поднялась с лежки се-рая волчица. Она потянулась всем телом и посмотрев на меня горячими глазами, как бы спрашивая, кто я. И узнав, что совет-ский летчик, а не фриц. Неторопливо пошла прочь. А я упал на место, которое несколько секунд назад грела волчица.

Здесь я был в безопасности, наблюдая кругом, сам был незамеченным. По веде-нию огня из орудий я понял, что уклонился несколько от первоначального маршрута. Мне нужно ползти на юго-восток. Снег па-дал большими хлопьями, он скрывал мой след и это давало мне уверенность, что я останусь здесь в полной безопасности Если бы я был здоров можно было бы отсюда пронаблюдать и выяснить цель немецких автоматчиков., которые периодически про-должали беспорядочную стрельбу. Огонь их то утихал, то начинался снова. Когда я поднялся на ствол сваленного дерева, не-сколько пуль пропело свою песню у меня над головой, и 2 ударились в снег в метрах 2 от меня. Я немедленно скатился на место покинутое с большой неохотой волчицей.

Неужели мое место засечено? Выберусь ли я отсюда живым? А может быть, это шальные пули прилетели ко мне?

Так сменяя одна другую мысли толпились в моем мозгу.

Смогу ли продать дорого свою жизнь. На этот вопрос был ответ ДА, только да. Правая рука никаких признаков жизни не имела. Она не подчинялась моей воле. Ей я не мог ничего взять. Она висела плетью. Лево

рукой я никогда не стрелял. Вот почему я сейчас грустно улыбался, пдверяя (не разо-брала. – Прим. М.Г.) свои маузер держа его левой рукой.

Несмотря на внимательное исследование близлежащего около меня леса, я ничего не обнаружил. Стрельбы тоже близко не было. Но зато усиленно шла стрельба на левом фланге наших войск. Сидеть дальше здесь, значит рисковать, быть схваченному как зайцу, Ползти, притаившаяся где либо ку-кушка снимет. На что-то нужно решаться и какие-то меры принимать.

Ползти по часто поросшему молодому ельнику оказалось очень тяжело, я тонул в снегу. В глазах становилось темно. Ветер шумел в зеленой кроне ельника. Напря-гая последние свои силы, я отполз метров 1500 от моей засады. Первые сутки кончи-лись, но мои мучения только начинались.

Может быть прибегнуть к маузеру? Что бы кончить на этом свою жизнь, но это мне противно. Я уже давно, во время, когда учил молодежь летному делу, далеко до войны, говорил жизнью дорожите, гордитесь ей но ни когда не жалеите ее ради интересов ро-дины. С врагом страны своей бейтесь до по-следнего патрона, не жалея сил и кровь. На милость победителя ни когда не сдавайтесь, лучше смерть, чем рабская покорность. По-томки наши должны будут брать пример с нас, гордиться нами. Нашей гордостью, смелостью и нашей любовью к свободе. А что мне сказали бы наши великие предки, которые шли с Суворовым на штурм Чер-того моста или поднимались на Альпы. Что мне сказали бы современники Александра Невского, которые били псов рыцарей на Чудском озере. Они назвали бы меня недо-стойным трусом. Под эти мысли я уснул.

От сильного холода я проснулся. Кругом стояла тишина, снегопад прекратился и на меня смотрело небо своими звездными глазами. Вначале я не понял где, но потом мне стало ясно, что нужно двигаться. На до мной одна за другой пролетели кукурузни-

цы и поднятый вверх луч прожектора сделал шапку и лег, как бы говоря мне ползи, правильно ты держишь направление и я пополз.

Мои зубы стучали, а перебитая челюсть хотела как бы убежать из моего рта и потеряться здесь в заснеженных лесах. По мере того, как я преодолеваю боль и не обращая внимание на кровавый след, продолжал ползти. Мое тело и конечности согрелись, зубы уже не стучали дробь и только перебитая челюсть временами хотела выпасть. Но я решил принести с собой хотя бы ломанные но свои челюсти. И я полз напрягая все силы, порою проваливаясь в снег. Временами теряя сознание я засыпал, но как только приходил в себя, я снова полз к своим, желая, чтобы они меня подобрала.

Днем надо мной неоднократно появляется с – т противника, а немного в стороне идет воздушный бой, дерутся наших пять их семь. Но вот один МЕ 109 падает на крыло и так идет почти до земли. На Н-50-70 переходит в пикирование и так один уже отвалился навсегда. Когда я поднял глаза кверху, вижу, там два самолета горит еще, чьи они я не знаю, но мне хочется чтобы это были тоже МЕ. Конец боя я не знаю.

Придя в себя от выстрелов автомата, я пополз в чашу. Недалеко от меня метров в 50-70 остановился человек в шинели мышинного цвета и сапогах. Это не наш. Постоял минут 15–20, он приложил автомат к пузу, дал три очереди. Рука сжала холодный маузер, глаза впились в это чучело стреляющее по лесу.

Выбрав удобный момент, я делаю по нему левой рукой один за другим 3 выстрела. Он быстро скрылся в лесу. Я ждал его появления долго, но он здесь не появлялся. И часа через 2 я услышал далеко от меня стрельбу автомата.

С большим трудом я вначале ползу по частым зарослям, чутко прислушиваясь

ко всему и озираясь кругом как хищник. Я знаю, только моя осторожность и настойчивость меня спасут. Все чаще я чувствую усталость и поэтому я очень часто начинаю отдыхать. Меня по прежнему окружает лес. На ветвях ели налип снег и теперь перед закатом в лучах солнца кажутся разноцветными изумрудами.

Вершины деревьев и особенно ели от этого кажутся убранными жемчугом. Как видно по этому меня сейчас привлекает своей красотой лес. Временами я вижу как дятел перелетая с дерева на дерево стучит по коре своим носом. Да жизнь идет своим чередом. Война не остановила ее, но только видоизменила.

Вторые сутки я провожу один в лесу. Ночь наступила медленней, чем первая. Снегопад прекратился, мороз дает себя знать. Звездное небо позволяет точнее ползти. Но это 3-я ночь проходит так же без огня как и первые две и чтобы не замерзнуть, я ползу. Но силы мои не постоянны, они меня временами покидают и я тогда засыпаю. Просыпаюсь обычно в ознобе, мой комбинзон внизу замерз. Вдали я вижу прожектора делают шапку, это меня ободряет, я ползу правильно.

Вдруг начинают появляться недалеко от меня взрывы. Это немцы простреливают лес. Я уже непрячусь (*так написано. – Прим. М.Г.*) и ползу не обращая внимания на разрывы. Меня даже это подбадривает, где-то недалеко наши. А что если позвать на помощь, может быть услышат свои помогут, но а если немцы, тогда что? Плен, позор. Боровченко лучше умрет, чем плен. И снова я не издавая ни одного звука, ползу.

К утру артстрельба прекратилась. Надо мной пролетело один за другим 5 У-2¹. Они как видно спешили домой с задания. В половине дня мартовское солнце как бы сжались надо мной, приласкало меня своими теплыми лучами. Забравший снег в мои

¹ Советский самолет, «кукурузник» (прим. О. Ермакова)

унты начинает там таять. С большим трудом я снимаю унты и освобождаю их от набравшего снега внутри. Но когда я стал одевать их, то при каждом моем нагибании шла ртом кровь. Голова сильно болела, но нужно было бороться с морозом, иначе он меня мог убить не хуже немецкой пули.

Я начинаю чувствовать, что у меня горит все. Временами я кашляю и после каждого плевка на снегу остается черный сгусток крови. Рана горит как будто ее кто либо жгет раскаленным железом. Мое передвижение становится все медленней. Я часто останавливаюсь, чтобы отдохнуть.

Временами мне кажется, что ко мне идут и я судорожно хватаюсь за маузер, но когда приходил в себя, я видел что меня окружает как и прежде лес, правда он несколько изменился, стал мельче и больше попадает лиственный. И я снова ползу не зная точно где нахожусь.

Меня берет сомнение в отношении, правильно ли я ползу. Я хорошо знаю теперь, что полоса на которую я приземлился не особенно широкая. Здесь нашими войсками окружена армия противника. И в этом направлении и в районе он хочет соединиться. Вот почему я временами особенно боюсь в припадке усталости быть подобранным противником.

Прошло уже 3-е суток, а я даже и не знаю, далеко ли мне еще ползти. Сейчас я не вижу никаких признаков живых людей. Но зато мертвые мне попадают, большинство из них фрицы, но есть и наши.

Как видно здесь была стычка какой либо разведовательной группы. Судя по тому что возле них нет оружия за исключением одного штыка, который зажат в окаченеющей руке фрица. Здесь подбирали раненых. Но это было давно. Трупы занесены снегом и совершенно не видно следов человеческих ног.

Наступает четвертая ночь, нужно выбираться из этого места. У меня появляется уверенность, что если я крикну о помощи,

ко мне придут. (дождал когда наступила ночь – все зачеркнуто. – Прим. М.Г.). Окажут помощь, перевяжут раны и тогда закончатся мои страдания. Я снова буду жить. После госпиталя вернусь на фронт, и с новой силой буду драться за права и честь моего народа, за свободу моей страны и за свою свободу. (и с этого боя – зачеркнуто. – Прим. М.Г.).

С наступлением ночи мороз усилился я чувствую, что начинает застывать мой комбинзон внизу. Луна освещает лес, который мне кажется одет в серебряные одежды. Ночь наступает в лесу как то сразу и мне кажется даже раньше, чем обычно.

Теперь мой след с кровавыми пятнами становится незаметным на снегу, но если кто и найдет, то не поймет, что здесь шел человек. А если замаскироваться, то можно позволить себе кричать о помощи, надеясь, что ты будешь незамеченным. И я решил в первые за эти трое с лишним суток попытаться счастье, позвать на помощь. Плохо, что я не могу выполнить этого с первой силой.

Набрав, сколько мог воздуха я крикнул, помогите. Эхо понесло мой крик по лесу нарушая ночную тишину. Как бы в ответ на мой зов гремели два один за другим наши бомбардировщики в сторону противника.

Я прислушивался к ночной тишине, ожидая ответа на свой зов, но он не пришел. Спустя несколько минут я повторил несколько раз свой зов о помощи, но мне только эхо ответило, которое летело по лесу, освещаемому бледной луной, и где то далеко прокричали, иду. Я повторил свой зов, но человек отзывался где-то далеко и дальше не шел, кто он трудно сказать, свой или враг я не знал. На горизонте снова замелькали прожектора, наши или фрицы?

Зубы все сильней и сильней выбивают дробь и кажется нет сил, чтобы остановить ее. Нужно ползти. Вот я слышу совершенно недалеко, кричат люди, работают машины. И я на этот шум ползу. Но когда я ползу, мне попадает группа бойцов, которая распо-

ложилась под большой елью и из землянки идет дым, пахнет жареным мясом.

Мне недалеко метров 30 – 40 и я ползу на этот запах напрягая свои силы. А немного в стороне люди ставят под густую ель самолет, заправляют его горючим.

Но при моем приближении к этим местам я нахожу только деревья и никаких признаков человека. Я внимательно смотрю снег, землю и никаких признаков нет. Временами мне кажется, что на меня мчится танк. И одна и та же ель или сосна из мимо мчащего танка превращается в красавицу, которая подбирает свой наряд и укрывает, согревает своим теплом. Эти кошмары продолжали меня преследовать и днем. Утром я выполз на опушку леса, метров 500 от меня развалины, а когда то это была как видно деревня. Сейчас тут ни одного целого двора или сарая. Я передвигаюсь крайне медленно, силы меня оставляют очень часто. Мне кажется, если я лягу, то больше не поднимусь. И где то в стороне идет бой. Это слышно по частой дробе, которые выбивают пулеметы. Это слышно и по стрельбе пушек. Но мне теперь кажется, что я уже теперь не доползу до своих, силы меня покидали. Через каждые 10 – 15 метров я вынужден был останавливаться и утолять жажду.

Несмотря на употребление большого количества снега, жажда не утолялась. Во рту сохло, кашлял по прежнему кровью. Часто после откашливания шла кровь, которую трудно было остановить. Голова сильно болела, и я боялся лечь. Попытки встать на ноги, не смотря на мои старания, не дали желаемых результатов. При одной такой попытке на утопанном лыжами снегу я упал на левый бок. Много прошло время, чем я раньше поднялся в сидячее положение. Боли я не чувствовал, но почему-то не было сил оттолкнуться от земли или вернее от снега, что бы сесть.

Здесь в первый раз за 4-е сутки я поднес холодное тело своего маузера к виску. Предохранитель снят, курок взведен и плавное

нажатие пальцем левой руки, прервет мою теперь слабеющую жизнь. И снова слышу надо мной шум моторов и стрельба. Я поднял свои глаза туда, где шла борьба моих друзей за жизнь моей страны. Рука сама собой упала вниз. Кто там кого то сбил. Горят еще два самолета и оставляя черный дым, как след последней жизни идут без сопротивления в объятия земли. Они еще с землями не повстречались, как падать сбитой птицей стал еще один. Я видел ясно, летчики из этих четырех машин погибли, Кто они я и сейчас не знаю, но я хочу, чтоб были то враги. И верю твердо погибли фрицы. А эти, что остались и дрались, взяли и разошлись. И как бы вторя им, судя по частоте стрельбы и вспышкам взрывов горел наземный бой.

Нет, умирать, пожалуй рано. Спустил курок, и маузер спрятал, ползу опять по крепко втопанной лыжне. Быть может мне придется еще хоть раз (изведать – зачеркнуто) но боем мстить врагу. Как хорошо было бы мне принять участие в боях за освобождение мне милого Смоленска, за край, за тот где я родился, рос. Тут жизнь я начал понимать впервые. Как мил мне был в мои мальчишеские годы простор полей моей деревни.

И тихое журчание моей Жереспей. В крапиве грязненькой речонки любил я рыбку половить. Или косить косой густую траву. А как было хорошо когда работал я в Донбассе. И шахте №5 я многим ведь обязан. Она своим рабочим коллективом меня, по новому учила труд любить. Она меня впервые научила понимать ученье Ленина великого. Она меня горного рабочего любить страну по новому заставила. Пожалуй было бы не плохо, но вместе с горняками прогнать проклятого с Донбасса.. Нет рано умирать. Ползи с последних сил, ползи когда не будет их совсем тогда чтоб не захватили живым фрицы нажми курок и сейчас ползи.

Очень медленно я преодолеваю пространство, сейчас приходится все чаще и чаще останавливаться. Все тело дрожит,

голову неимоверно тянет книзу. Рана особенно горит. Метрах в 400–500 от меня показалось несколько человек, но кто они я не мог определить. Лыжня пропала и теперь ползу просто по снегу, временами рука моя проваливается довольно глубоко. Иногда я и сам проваливаюсь тоже глубоко. На мой крик о помощи никаких ответов не последовало.

Ну как видно придется прощаться с жизнью. Вот уже на исходе 4-е сутки, но я еще не добрался к своим и теперь я даже не знаю где они. Ежели я у своих, то глупо стреляться, могут подобрать и без сознания, тогда жизнь спасена и с нею возможность мстить, а если подберут немцы, тогда плен, позор и издевательства.

Больше ползти не могу, силы меня покинули уже пожалуй прошло больше часа, а лучше себя не чувствую, кругом ни кого не видно. Бой, который шел с утра, теперь утих и только очень редко как хлопки иногда слышны отдельные винтовочные выстрелы. Маузер, как к тебе хочется прибегнуть, сегодня я смотрю на тебя с особой любовью. Ты один друг, который может выручить из большой беды.

Больше нет надежды на то что бы быть подобранным. Настало время прибегнуть к маузеру. Скажи дружище свое последнее слово.

Жалко уходить из жизни. Она была такая интересная. Только сейчас понятно как хорошо жить. Жаль, что многое не сделано. Я не жалел ее во имя родины, борясь один с девяткой МЕ – 109 25 июля (почему эта дата, если бой был 28 марта. – Прим. М.Г.)¹ в районе Вязьмы. Мое желание было тогда спасти свой аэродром, своих друзей. Сейчас не жалею ее дерясь и прикрывая своих друзей. Жаль, что мало мне пришлось повоевать. Но рассуждать теперь, пожалуй поздно. Пока совсем не потерял сознание, используй безотказный маузер. Про-

щай друзья, прощайте милые мои, привет последний мой примите. До вас пожалуй это не дойдет, пишу на карте. Ритуся тебе я дочка завещаю: ненависть к врагу, любовь к свободе, и родину любить не жалея жизни. Меня не осуждайте, я отдал все за родину, за Сталина великого. (Пройдет еще минута, как только допишу раздается – все зачеркнуто сильно. – Прим. М.Г.) Сегодня 31.3.42 г. время приблизительно часов 17–18 почти кончаются 4-е сутки.

Здесь 1942г 31.3 застрелил себя майор Боровченко раненный в воздушном бою над полем боя 28.3.42 г. 4 суток полз к своим и не хватило сил. Что бы не попасть в плен, застрелился.

(Маузер поднят, поднесен к виску, нажать на спуск взведенного курка – все зачеркнуто. – Прим. М.Г.)

Маузер поднесен моей рукой к виску. Глаза в последний раз прощаются с нежными лучами заходящего вечернего солнца, цепляясь всей силой за жизнь. Они внимательно следили по круг лежащей местности, желая видеть, хоть что либо живое, но кроме ворона парящего надо мной, да снегом прикрытого молодого леса, ничего не обнаружили. Глаза снова застремились к лучам заходящего солнца. Жаль, что мало успел сделать. Не дожидаясь до полной победы над фашизмом. Палец жмет на спуск, взведенного курка. Слышен четко клац ударника курка по капсуле патрона. Прошли томительно секунды. Осечка?

Когда отвел я маузер от виска, раздался выстрел затяжной. Ругаясь крепким русским словом за неудачу выстрелом одним покончить с ослабевающей жизнью. (Боясь, что сил не хватит – зачеркнуто. – Прим. М.Г.) Глаза горели, их больше не тянули к себе красивой местности ландшафт. Они смотрели в точку ту где пуля в снег зарылась. Рука подносит взведенный маузер в

¹ Возможно, просто Григорий Трофимович вспомнил другой бой (прим. О. Е.)

открытый рот, что бы нажать курок покончить с жизнью этот раз.

Тело сжалось от боли сильной в полости груди. Прошел припадок кашля, глаза потухшие теперь смотрели на кровавые плевки. Маузер выпал. Рукой стирал холодный пот со лба. Когда пришел в себя и маузер снова в руку взял. У виска рука остановилась: метнулась ввысь и прозвучал уверенно зовя на помощь громкий выстрел. Бойцы, идущие кромкой леса. Остановились, на выстрел мой припали к снегу и ползут. Я вижу наши шубы, шапки и слышу говор русской украинской речи. Кричу, товарищи я ранен помогите. Идут ко мне с винтовкой на перевес, готовые к любому делу. Когда я точно убедился, что своими окружен, толкнул оружие в карман.

С деревьев молодых соорудили мне носилки, и дружно обступив меня в медпункт поволокли. Здесь как то разом я размяк. Пришел в себя в санбате от боли резанной в груди. Вокруг меня стояло несколько врачей в халатах белых, в масках на лице. Глаза открыв, я пытался встать. Лежите смирно, сказала маска мне. Держите крепче, крикнула все та же маска. И пара дюжих санитаров меня к столу прижала. Минуток десять потерпите, и будет все готово, сказал мне женский голос.

Ну вот и все теперь в порядке. Мы вам добавили крови куб 400. Крепко вас, но крепко сложен вы и месяца за два снова будете летать. Опять поплыло все кругом.

Проснулся я под говор женский. Он спит? Какое там он весь горит и поминутно просит пить. За ночь два раза шла горлом кровь. Здесь был сейчас хирург, дал порошок от кашля. А я ему недавно сделала укол. Начальник сказал, что бы от него не отходить. Если попросит кушать, дать жидкую пищу. Открыв глаза я долго осматривался и не мог определить, где я. Голова сильно болела, дышать было тяжело, я лежал полусидя в крестьянской хате, но никак не мог понять, что со мной, и где я. Когда попы-

тался встать и мне казалось, что я привязан к койке. Заметив мои усилия подняться, ко мне наклонилась девушка с черными косами, обвязанными вокруг головы, покрытая белой косынкой, в белом халате с нежно голубыми глазами. Вы хотите встать? Скажите мне, что вам нужно? Я вам подам, сами не вставайте, вам нужен покой. Где я и что со мной?

Вы ранен находитесь в санбате, вас привезли к нам два дня назад. Вы ранен. Вам сделали сразу же и операцию, как только привезли. Завтра утром вас будут эвакуировать в тыл. Там поправитесь скоро и снова возвратитесь к нам. Вы может быть, что либо покушать хотите. Выпив сладкого чая, я лежал и слушал, что мне рассказывала сестра. Под ее разговор я снова уснул. А утром она и другая блондинка меня заворачивали в пакет для отправки в тыл.

Я попросил начальника, что бы меня отправили не в госпиталь, а в свою часть. Меня погрузили в какую то машину и повезли по тряским дорогам. Везли долго, трясло неумоимо и мне порой казалось, что вытрясает душу. По пути наш автомобиль обстреляли из самолета фрицы, но обошлось все благополучно, если точнее несколько пробоин в машине и отбитую ручку моих носилок. Вовремя обстрела водитель затормазил но я куда не мог уходить и был в машине. С-т сделал две атаки, ушел на запад, заметив наши с-т на горизонте. Вечером меня привезли в санчасть. Через врача я поставил в известность генерала о своем ранении. Утром мне дали санитарный самолет и врача Батута, направили в Москву для лечения. Меня проводили часов в 10-00 и в 13 меня уже сняли с с-та на Московском центральном аэродроме. По пути в М, было тяжело дышать.

4.4.42 г. я попал вечером в эвакуогоспиталь, расположенный в академии Тимирязева. Здесь упорно и долго врачи помогали мне побеждать смерть, и 5 мая смерть отступила, жизнь победила. Температура рез-

ко спала, у меня появился аппетит. Мне теперь не хватало одной порции обеда и мне давали две. Шефы приходя к нам в госпиталь, которые провели у моей постели ни одну бессонную ночь, теперь радовались вместе со мной моей жизни.

(На этом закончилась тетрадь и записи. Впоследствии, за этот бой он был представлен и награжден орденом Ленина. После лечения и отпуска он был назначен командиром полка и снова на фронт. – Прим. М.Г.).

Остается добавить, что Г. Т. Боровченко полгода лежал в госпитале. Вылечившись, снова сел за штурвал и воевал на Северо-Западном фронте.

27 мая 1943 года во фронтовой газете «За Советскую Отчизну» в статье «Свободная охота истребителя» говорилось: «Характерен бой, который провел летчик Боровченко. Был облачный день. Летчик ходил на такой высоте, которая давала ему скрытность как с воздуха, так и с земли. Сам имел преимущество в высоте, при вероятных излюбленных высотах противника. Через 20 минут он заметил юнкерса-88 и на-

чал сближение. Подошел к юнкерсу скрытно, пробил облако и атаковал с выгодной дистанции. Огонь вел по самым уязвимым местам – кабине, с переносом на моторы. После первой атаки самолет противника горящим вошел в крутую спираль и вскоре врезался в землю».

Второе ранение истребитель Боровченко получил под Старой Руссой. И тогда он был назначен командиром авиационного полка ПВО. К середине октября 1943 года на счету летчиков этого полка было 130 сбитых самолетов. Под командованием Боровченко полк получил звание гвардейского.

Григорий Трофимович Боровченко дослужился до подполковника, был награжден орденами Красного Знамени, Ленина и Отечественной войны 1 степени. Жил в Волгограде, приезжал на родину, в смоленскую Касплю, в деревню Белодедово, куда однажды после войны приземлился прямо на поле, как рассказывала мне мама. К самолету сбежалась вся деревня...

Публикация Олега Ермакова